

БЕССМЕРТЕН ТВОЙ ПОДВИГ, СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ!

БЫВАЕТ, человек вспоминает вдруг такое, что прошло давным-давно и, казалось, напрочь забыто. Вспоминает так ярко и зримо, что как будто бы это только вчера было...

Такое недавно произошло и с А. Р. Любимовым.

Александр Романович сейчас уже считает себя свердловчанином — 23 года живет и работает он здесь. Как-то раз, совершенно случайно, услышал, как экскурсовод рассказывает о жизни в Свердловске: о киноконцертном театре «Космос», о гостиницах «Свердловск» и «Юбилейная», о новых домах, выросших в центре города. Экскурсовод говорил о них как о достопримечательности Свердловска. И вдруг Любимов почувствовал свою причастность ко всему этому — в строительстве многих этих зданий Александр Романович принимал участие. Ну как не вспомнить себя свердловчанином, если такую память здесь о себе оставляет, если живет и работает здесь уже третий десяток лет, вся семья его тоже уральская, живет в самом сердце города — на Уралмаше.

Как-то после работы Александр Романович, отдыхая, взял посмотреть газету «На смену!», давно ее в семье выписывают. На втором полосе большой материей под рубрикой: «Шаг война народная». С газетной страницей смотрел на Любимова юноша, снимок явно довоенный — Александр Романович и сам носил вот так костюм, выкинул на воротник пиджака ворот рубашки. Юноша смотрел на него в упор. Парня он не признал — незнакомый. Но, пробежав глазами материал, вдруг увидел слова «военный танар». Совершил его танкист Николайев. Об этом и писала «На смену!» в этом материале, озаглавленном «Танар». Но Любимов читал об этом подвиге танкиста-уральца еще более тридцать лет назад, в далеком 1943 году писала о нем их фронтовая газета «Вперед!». И было это в дни самых жарких боев на Орловско-Курской дуге...

И полыхнуло памятью...

СКВОЗЬ ОГОНЬ

прошел боевой путь свердловчанин А. Р. Любимов, бывший артиллерист, участник парада Победы

ПРОТИВОТАНКОВАЯ батарея вместе с танками ушла вперед, стремительным маршем они выдвинулись из леса у колхоза «Комсомолец», недалеко от Прохоровки, здесь артиллеристы заняли огневые позиции. Наши тридцатьчетверки замаскировались рядом, ожидали наступления гитлеровцев.

Наступающий гул шел, казалось, из-за горизонта, он исподволь, настойчиво заполнял все вокруг. Командир орудия Александр Любимов посмотрел в ту сторону, куда была развернута его пушка. Он увидел на поле сотни танков, идущих на большие скорости. Далеко еще было до них, но Александр узнал их — «тигры». Артиллеристы пред этим изучили силуэт этих новых гитлеровских машин — угловатый и широкий. Контуры танков были нарисованы на фанере и красными метками отмечены уязвимые части этих машин. Александр хорошо знал их. Но лицом к лицу с грозным, уверенно идущим по земле «тигром», чуть выстрелившим из пушки, выскочившим в него, он встретился впервые.

Гудела напряженная низкая натаанутая струна земли. «Тигров» шло много — не пересчитать. Да и считать было некогда.

Во рту Александра пересохло. Крикнул хрипло команду: — Танки, прямо! Орудие, к бою!

НИ НАЧАЛА, ни конца этой страшной кротоверти он никогда не мог вспомнить точно. Все вокруг захрохотало, земля вздрожала, разрывами, сразу же вспыхнула несколько танков — и наших, и фашистских, черная гора покрыла все поле. Орудие Любимова вело беглый огонь по танкам, а «тигры», «фердинанды» и «пантеры» отвечали яростно — вокруг пушки вздымались сплывшие фонтаны разрывов, слышались визг осколков, скрежет металла. В расчете были ранены. Соседнее орудие старшего сержанта Морозова было искорежено прямым попаданием; Александр видел, как упал на станцию Морозов, сраженный смертельной осколком. За стеной разрывов и грохотом боя не было видно и слышно других орудий батареи.

Расчет и автоматчики из танкового десанта на руках катили орудие вперед, на новые огневые позиции, а вокруг, и рядом, и дальше, до самого горизонта, черными кострами горели танки и наши, и фашистские. Сколько сплывала эта бой, Александр не помнит: час, два, а может быть и весь день. Почему-то перед глазами мерещилось: весь в копоти, черный, припорошенный землей, его задерживающий Аким Касимов упал на колени, поднял над головой руки и, глядя ошалелыми глазами на Любимова, кричит: «Товарищ командир, что же это за война такая — железо не выдерживает — горит». А вокруг, действительно, был ад сплошной: земля

Незабываемое

Будто пороком пропала, вновь идем... Блещат штучки... Будто вновь нашлись пропавшие Фронтовые дневники; Будто здесь нужна отдушину, Будто в огне родимый край. Время стискивает души нам повелением; Вспоминать! Мы, измученные жаждою, Снова там, Где льется ирров. И присяги слово надрое Потрясет сердце вновь!

Михаил Найдич

Навсегда

Снова приближаются ко мне Вдвоям перепаханные межи. Ну скажи, не все ль равно войне — человеку больше или меньше? Его сыт по горло, через ирай, Ведь на теле места нет живого. Обещаю каждый раз: «Прощай!»

ПРОДОЛЖЕНИЕ ФРОНТОВЫХ ДНЕВНИКОВ

Всякий раз и ней возвращаюсь снова. Стел, Купаюсь в росыи земной; Рослая трава копец июля. В сорон перья, посланная пуля До сих пор охотится за мной.

В первый раз

Сколько дерзости и запала Было в молодости у нас. Выш юности, Ведь ты совпала

Со словами «Тяжелый час». Стел военная, Как-то жутко Надвигалась огнем на шку. Все, что было, было не в шутку. Да к тому еще В первый раз. Солоний на заре напевной Песню няичили по кустам... Мы встретались с любовью первой

Не в аллеях кустов, Не там, Тихий асень, вставший у реки,

Свадьбы

Предвесные свадьбы — Сколько было работ! Эх, заранее зная бы, Что ралука вот-вот. И не все попраимо, И не все превозмоно; По тревоге поднимут Длане в брачную ночь. Гарнизон брови сдвинет Перед этой бедой, На пороге застынет Лейтенант молодой. И жену он влюбленно

Поцелует опять. А потом — лишь Знамена На плащу шепотом... Вновь на свадьбу попал я, — Веселось, хочону, И со всеми устало «Горько, горько!» кричу. Ведь хорошая пара, Связь «идеал» — масквозь, А гитары, гитары, Сколько их разлелось! Шеня яро льзделот, И закуска горой, — Я бездушно гуляю, Но порой, на порою Будто кто-то ружью Вновь мне делает знак... На вопрос: «Что с тобой?» Улыбась: «Пустая».

ОТЧИЗНЫ ВЕРНЫМ СЫНОМ БУДЬ!

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ
ТРАДИЦИЯМ ВЕРНЫ
У войны Краснознаменного Уральского военного округа стало непреломным законом быть верными славным традициям, многие их ратным трудом в мирные дни. И в первых рядах идут солдаты, сержанты и офицеры учебного танкового дивизиона краснознаменного дивизиона полка Богдана Желонцова. Сейчас, включившись в соревнования за достойную встречу 60-летия Великого Октября, войндивизион добиваются высоких показателей в спортивной и политической подготовке.

Имена марков соревнования, танкистов — мастеров своего дела младшего сержанта Сергея Чуркина, сержанта Михаила Соколова, курсантов Петра Кузнецова, Владимира Пономарева и других отличных воинов известны всему полку.

На СНИМКАХ, танкисты-дивизионцы на занятиях: отличной боевой и политической подготовки Владимир Давыдов, Сергей А. Рыжов.

В память об этом параде у Любимова медаль «За победу над фашистской Германией». Этой наградой потом были отмечены все фронтовики, воевавшие в Великой Отечественной, но первыми их получили участники парада Победы, они были на их мундирах, когда воины проходили торжественным маршем по площади, а Мавзолею В. И. Ленина были брошены боевые штандарты и знамена поверженной гитлеровской армии.

У Александра Любимова сохранился удостоверение на медаль, оно у всех участников исторического парада особое, отличное от других... Так получилось, что май — особый месяц для Александра Романовича Любимова. 4 мая 1924 года — день его рождения. 2 мая 1943 года он стал командиром орудия в 181-й танковой бригаде, 7 мая 1945 года участвовал во встрече с американскими войсками в Австрии. 9 мая — День Победы. И этот праздник особенный для Александра Романовича, он всегда вспоминает парад на Красной площади, 24 июня 1945 года, когда он шел в колонне войск 3-го Украинского фронта, в составе четвертого батальона. Он хорошо помнит и свое место в том строю — в шестом ряду, четвертым справа шел тогда старший сержант Любимов. И сколько раз смотрит он хроникальные кадры кинохроники из парада Победы, все пытается ухватить на них себя...

После войны судьба А. Р. Любимова не сразу определилась. Но, в конце концов, стал он электриком и уже много лет работает в строительных организациях Свердловской области.

Александр Романович прочитал в газете «На смену!» очерк бывшего военного журналиста В. Дробиза «Танар», и он напомнил Любимову его юность боевую, те места, где война его крестила кровью и огнем, откуда он начал путь, приведший его к параду Победы. Он пришел к нам в редакцию очень взволнованным, переполненным воспоминаниями о том, что было много лет назад.

Через день Александр Романович Любимов будет праздновать со всеми советскими людьми День Победы, торжество, которое утвердили на земле наши солдаты-фронтовики, праздник, к которому шел весь наш народ долгие и тяжкие годы войны.

С праздником вас, солдаты Победы! Н. МАРКОВ.

ОТЦОВСКАЯ МЕДАЛЬ

ВСЕ, ЧТО БЫЛО НЕ СО МНОЙ, — ПОМНО!

М О П ОТЕЦ никогда не рассказывал о войне. Наград у него не было. Разве медаль, удостоверяющая, что он участник Великой Отечественной войны, — «За победу над фашистской Германией». Видно, поэтому он и стеснялся говорить о себе, как он воевал. «Все равно, мол, не поверят — других боевых наград нет, а эти медали, так их всем давали, даже ездокам».

Когда я еще учился в школе, учительница говорила: «Ребята! У многих из вас папы и мамы, дедушки и бабушки воевали. Пусть они вам расскажут о себе, о своих подвигах, о своих боевых наградах. Это будет самой лучшей темой для ваших сочинений. А потом мы пригласим родителей и они вспомнят о своей тяжелой и героической молодости. А вдруг кто-нибудь, а это бывает, найдет своего однополчанина или друга. Договорились, ребята?»

Я приходил домой и начинал приставать к отцу: «Папа! Расскажи что-нибудь о войне. Ну, подвиг какой-нибудь...»

«Книги читай, сынок! — Там много о подвигах пишут. И про войну все правильно. Как оно и было. И добывай с сожалею: «А из меня какой рассказчик».

«Пап, а пап! То книги... А ты о себе...»

И я, огорченный, уходил. Сочинения всегда приходилось писать из вычитанных ранее книг или газет.

Девятого мая отец оставался один. Мы с матерью каким-то чудом угадали, что именно в этот момент ему надо побить

одному. Целый день отец, что уставившись в одну точку, то рассаживая по комнате в одиночестве, что-то вспоминал, о чем-то напряженно думал.

Вечером собирались гости. Мать шепотом говорила, грустно вздыхая: «Сколько живу с ним, а до сих пор не пойму, что с ним творится в этот день. Нелюбимым становится. На гуляниях веселый, пляшет, песни поет... а в этот день... Ведь праздник Победы... Не войну!»

А я, повзрослев, стал рассуждать про себя: «Ну, нет у отца орденов, медалей. Так что из этого? Ведь воевал. Факт. Ранение страшное. Люди помнят, не забывают. Из военкомата каждый год извещения приходят, на какой месяц путевку в дом отдыха оформит. Поздравляют. Как расценивать его? Как сделать так, чтоб он не чувствовал себя чем-то обделенным? А может совсем не в этом дело? Есть же у фронтовиков признание за годы войны непонятная гордая степенность и вечная фраза — «Не я один воевал! Нас много было!» И это правильно. Каждый внес долю своего труда и своей жизни в будущую Победу.

Накануне праздника, в музыкальном отделе нашего магазина купил я пластинку с исторической, теперь, песней. По истине песня-призыв: «Вставай, страна огромная!»

В это утро я встал с непонятным для себя чувством.

Отец, можно сказать, традиционный сидел за столом в комнате и смотрел в окно. Нет, даже не смотрел — взгляд был каким-то отсутствующим, а лицо было какое-то невозмутимое — ничего не выражало. Не знаю, что меня толкнуло на этот поступок, возможно, глупо с моей стороны. Я включил проигрыватель с пластинкой, купленной мною накануне. Тишину комнаты будто взорвало. Взорвало первым днем войны 1941 года.

Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой С фашистской силой тёмною, С проклятой ордой. Отец вздохнул, и я испугался и хотел выключить проигрыватель. Но не смог. Стоял и смотрел. От сильного волнения даже мурашки побежали по спине. Это невозможно передать на словах. До чего было страшно от нарастающей песни, и, в то же время, восторженности, торжественности и символически. Отец встал, распрямился. Он казался мне сильным и решительным.

Пусть ярость благородная Вскипает, как волна, — Идет война народная, Священная война.

Милый отец! Вот когда он раскрылся. Был расказан, а своим лицом, своим ростом. На его лице, как на экране, перебедало мной за какой-то мгновение все его боевые пути, все испытания, вынашенные на тяжелую солдатскую долю. Я тогда пожалел отца, когда в первых «кадрах» вспоминавший

лицо потемнело от горечи и мук начала войны, а потом появилась грудость за него — я увидел в глазах ту «благородную ярость», ту веру в победу, которую он принес до последних победных дней.

Теперь эти дни отделяло более тридцати лет. Но отец, мой милый отец, как я понял, был сейчас таким же, как в те незабываемые годы.

Так и стоял он, пока не кончилась песня, а затем пошел ко мне и сказал: «Спасибо, сынок! Затем пришла победа! Наша победа. И все правильно, сынок. Ничего, что у меня всего одна медаль, не в этом дело. Для меня самое высокое звание — это фронтовик. С мая что ни есть боевая награда — выпавшая честь быть защитником своей Родины».

В этот вечер мы с мамой впервые слушали рассказы отца о войне, о тяжелых кровопролитных боях, об обычных до слез отступлении и первых радостях победы. И я уверен, что в праздники Победы советского народа в Великой Отечественной войне отец теперь всегда будет надевать свою медаль «За победу над фашистской Германией», удостоверяющую, что он тоже вложил частичку своей жизни для полного разгрома ненавистного врага. А вечерами обязательно станет рассказывать, не стесняясь, гостям о своей боевой молодости, о своем боевом пути.

В. БРАТОНОВСКИЙ, Ивдель, поселок Тохта.

ДОСТОВЕРНОСТЬ МУЖЕСТВА

Они — живые, не придуманные. Многих из них я увидел еще там, на Донбассе, в Приднестровье, в Крыму и Прибалтике. На фронте, будучи корреспондентом армейской газеты. И встречался недавно, в Казани, в Серове, в Камышлове и у нас, в Свердловске.

Михаил Тихонович Нужкин, профессор, доктор наук, ректор Казанского государственного университета, в прошлом году выдал меня по историческим местам Казани и подробно рассказывал о каждом экспонате удивительного музея В. И. Ленина, созданного им в Казанском университете.

С Александром Федоровичем Щуром мы не раз встречались, что мы не успели побывать в Серове на металлургическом заводе. С Николаем Федоровичем Глазыриным мы шли на передний край в январе 1943 года, после ранения из госпитала, когда наши дивизии наступали на Донбасс. До сих пор помню наши короткие привалы в Богучаре, Кантемирове, Миллерове. 51-я армия наступала так стремительно, что мы не успели побывать до своих частей. «Голосу» на перекрестных дорогах и заскакивая в кузовы попутных фронтовых машин. А Александра Фроловича Козлова, доктора юридических наук, я видел недели две тому назад в Свердловском юридическом институте, когда забегал к своему товарищу и сослуживцу, бывшему начальнику

окружного Дома офицеров Николаю Евгеньевичу Филононову.

И вот я снова встречаюсь с этими людьми, уральцами и сибиряками, ветеранами 279-й Лысчанской Краснознаменной стрелковой дивизии. Встречаюсь несколько необычно, словно по мановению сказочной машины времени, возвратившись в те фронтовые годы, на тридцать с лишним лет назад.

Встречаюсь с молодыми, отзывчивыми, веселыми и бесстрашными своими однополчанами по нашей 51-й армии там, на Донбассе и в Крыму. Этой удивительной, сказочной встрече с прошлым я обязан А. Корзинкову и его книге «Дороги огневые». Что издана недавно Средне-Уральским книжным издательством. Многие написанные в этой не большой книге мне удивительно знакомы, словно сам я рассказываю об этих людях, вспоминая незабываемые фронтовые годы, но еще больше узнаю я совсем неизвестное мне, никогда не предполагавшее, в деталях, в картинах боя, встречах в многочисленных землянках и блиндажах перед

главное достоинство. Она посвящена мужеству, героизму, отваге и стойкости. Она посвящена патриотам, советским солдатам и офицерам, коммунистам. И в этом ее непреходящая ценность. Она одинаково нужна и нам, ветеранам-фронтовикам, чтобы еще раз пройти по огненным дорогам своей молодости и молодым нашим читателям, чтобы, говоря словами Л. И. Брежнева, «передавать потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его тревожностях и свершениях». Особенно она нужна

нашим сегодняшним воинам, солдатам, сержантам и офицерам, ныне несущим службу и продолжающим умножать наши славные боевые традиции.

Рассказывать содержание книги трудно. Сюжет ее многообразен и неповторим, так же, как неповторима и многообразна война. Может быть, для тех, кто воевал на Севере или в белорусских лесах и болотах, все складывается иначе, а у нас на Четвертом Украинском фронте было именно так, как рассказывал нам А. Корзинков.

Небольшая по размерам книжечка родилась не сразу, не одним махом. Являясь ветераном дивизии со дня ее формирования и до последнего дня войны, А. Корзинков провел в ней свою юность и добрую часть молодости, будучи рядовым, сержантом и младшим лейтенантом. Этого, казалось бы, было достаточно, чтобы рассказать о своих однополчанах. Но автор предельно точен и придирчив к фактам. Являясь одним из соавторов вышедшей в 1970 году в военном издательстве «История Уральского военного округа», он много работал в военных архивах, встречался и записывал воспоминания ветеранов дивизии, неоднократно проводил свой отпуск в местах прежних боев, встречаясь там с местными жителями, живыми свидетелями прошлых событий. Книга писала 10 лет, завидная усидчивость и преданность автора набранной теме. В этом, по-видимому, и главный источник достоверности, точности описанных событий.

— Ты знаешь, не могу как-то читать художественную литературу о войне, — признался мне мой друг, майор запаса, старый работник военного архива. — Привык как-то к подлинным документам, перечитал всю военную мемуаристику, и все мне кажется, что в романах и повестях не так, как в действительности.

И не склонен разделять точку зрения своего друга. Люблю и чрезвычайно ценю нашу художественную литературу о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Вклад «военной» литературы нашу социалистическую культуру настолько весом и значителен, что его трудно переоценить. Но мемуары участников войны занимают свое особое место в наших сердцах и душах. Их невозможно заменить ничем. Да и стоит ли это делать? Хорошо, вполне оправданно поступает наше Средне-Уральское книжное издательство, печатая книги фронтовиков, живых свидетелей минувшего. Такая литература нужна всем поколениям, «Дороги огневые» найдут в этом ряду свое достойное место.

В. ЖАРСКИЙ, военный журналист.

